

КОЛЛЕКЦИЯ

КАРТАВАН

историй

**Евгений
Киндинов:**
«Я приблизился
к самому краю...»

**Татьяна
Конюхова:**
«Нашу любовь
с Дунаевским
разрушила
трагедия»

Екатерина Гусева:
«Ради этого чувства можно
пойти на любые муки»

**Внучка, забытая
Олегом Стриженовым:**
«Не хочу лить грязь
на семью деда, но все
должно быть рассказано
правдиво, как есть»

ISSN 1818-4383

11

9 771818 438774

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРАВАН** ИСТОРИЙ

НА ОБЛОЖКЕ

ЕКАТЕРИНА ГУСЕВА
ФОТО И КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИЗАЙН
ЕКАТЕРИНЫ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ
ПЛАТЬЕ — ВСВГМАХАЗРИА

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЗАО «ИЗДАТЕЛЬСТВО СЕМЬ ДНЕЙ» WWW.7DAYS.RU

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР НИНА НЕЧАЕВА

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЛАРИСА ВИННИК

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА НАТАЛЬЯ КОРОЛЕВА

ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК ТАМАРА ВОЛКОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОЛЕСЯ МАЗУР

КООРДИНАТОР ПРОЕКТОВ ЯНА РОЗЕНЦВЕЙГ

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЕКАТЕРИНА НАУМОВА

РЕДАКТОРЫ АННА АРЦЕУЛОВА, АННА ВАНДЕНКО, МАРИЯ ГРИГОРЯН, ЗАЛИНА ДЗЕРАНОВА,

ЕЛЕНА ЛАНКИНА, ИРИНА МАЙОРОВА, МАРИНА ПОРК, ЮННА ЧУПРИНИНА

ДИЗАЙНЕРЫ ВЛАДИМИР ВОВНОВОЙ, НАДЕЖДА ПОЛИЩУК

БИЛЬД-РЕДАКТОРЫ АНТОН ЖУКОВ (ЗАВ. ФОТОСЛУЖБОЙ), ЕКАТЕРИНА ШУТЫЛЕВА

РЕДАКТОР ПРОВЕРКИ ТАТЬЯНА СМИРЕНСКАЯ

КОРРЕКТОРЫ ГАЛИНА ЛЯШЕНКО, ЛЮБОВЬ ШАХОВСКАЯ

ВОДИТЕЛЬ АЛЕКСАНДР КИСЛОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ 125080, МОСКВА, ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ, Д. 5А

E-MAIL KOLLEKTSIA@7DAYS.RU **ТЕЛ./ФАКС** (495) 753-41-39, 753-41-25

РЕДАКЦИЯ В ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ НЕ ВСТУПАЕТ.

РУКОПИСИ, НЕ ПРИНЯТЫЕ К ПУБЛИКАЦИИ, НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.
ПЕРЕПЕЧАТКА МАТЕРИАЛОВ (ФОТО И ТЕКСТОВ) БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ РЕДАКЦИИ ЗАПРЕЩЕНА.

ЗА СОДЕРЖАНИЕ РЕКЛАМЫ РЕДАКЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕТ.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ИГОРЬ СВИРИН **ТЕЛ.** (495) 753-41-43

ДИРЕКЦИЯ ПО РЕКЛАМЕ НАНА ЦОБЕХИЯ (**ДИРЕКТОР**), ИРИНА МЕНАБДЕ (**ЗАМ. ДИРЕКТОРА**),

ИРИНА ЛЮТИКОВА (**СТ. МЕНЕДЖЕР**), ОЛЬГА ВАСИЛЕВСКАЯ, СВЕТЛАНА ДОЛГИХ, НАТАЛЬЯ ИВАНОВА, ЮЛИЯ МОКРЕЦОВА,

НАДЕЖДА НОВИКОВА, ИРИНА ПАНФИЛОВА, ВИКТОРИЯ СОКОЛОВА, ЕКАТЕРИНА ДЕВЯТОВА (**КООРДИНАТОР**)

ТЕЛ. (495) 753-41-45, 753-41-46, 753-11-11, 753-11-12, **ФАКС** 753-41-48

ДИРЕКЦИЯ ПО МАРКЕТИНГУ МАРИНА ЦХОВРЕБОВА (**ДИРЕКТОР**) **ТЕЛ.** (499) 195-92-36,

ДИРЕКЦИЯ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ АННА КОШМАН (**ДИРЕКТОР**) **ТЕЛ./ФАКС** (495) 753-41-04, **ДИРЕКЦИЯ ПО РАЗВИТИЮ**

ПРОИЗВОДСТВА **ТЕЛ.** (495) 753-41-43, **ДИРЕКЦИЯ ПО ЭЛЕКТРОННЫМ МЕДИА** КОНСТАНТИН КАЧАЛОВ (**ДИРЕКТОР**)

ТЕЛ. (495) 984-82-01, **ДИРЕКЦИЯ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ** ЛЕВ ГАЛУСТОВ (**ДИРЕКТОР**), **ДИРЕКЦИЯ ПО**

ПРЕ-ПРЕСС ТЕХНОЛОГИЯМ АНДРЕЙ ФЕДЫНА (**ДИРЕКТОР**), ИГОРЬ ЗАХАРОВ (**ЗАМ. ДИРЕКТОРА**), АНДРЕЙ АМУРСКИЙ, МИХАИЛ

АРТЮХИН, РОМАН БАЛАШОВ, ОЛЕГ БОБРОВ, АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ, СЕРГЕЙ ГОЛЬЦЕВ, СЕРГЕЙ КОРОСТЕЛЕВ, МАКСИМ СЕМЕНОВ,

АНТОН СОКОЛОВ, МАРГАРИТА СТАРЦЕВА, ВАЛЕРИЙ ЧИЖ

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В СФЕРЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ № ФС77-28325 от 11 июня 2007 года

№ 11 (65) НОЯБРЬ 2013

ПОДПИСАН В ПЕЧАТЬ 17.10.2013 г.

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ MOHN MEDIA MOHNDRUCK (ГЕРМАНИЯ)

ТИРАЖ 823 000 экз.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

СОГЛАСНО ФЗ ОТ 29.12.2010 №436-ФЗ ЖУРНАЛ «КОЛЛЕКЦИЯ КАРАВАН ИСТОРИЙ» ОТНОСИТСЯ К КАТЕГОРИИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ, ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ.

коллекция **КАРАВАН**
историй

стр. 142

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА ЗВЕЗД

104

Евгений Киндинов
Игра в пуговицы

142

Юрий Николаев
Мне подсказала душа

176

Татьяна Конюхова
Уроки судьбы

стр. 176

стр. 104

12
Екатерина Гусева
Свободный полет

ИМЕНА

40
Ирина Маирко
Трофейная жена

70
Александра Холошина
Стриженовы: история
забытой внучки

ФАНТАЗИИ

Проекты
Екатерины
Рождественской

132

Сказки

170

Частная коллекция

КОЛЛЕКЦИЯ КАРАВАН ИСТОРИЙ

«Словно мухи тут и там, ходят слухи по домам». Каждый из нас становился если не объектом их, то уж потребителем точно. Например я на заре туманной юности была уверена, что Максим Дунаевский — средоточие порока, хоть и очень обаятельное. Заманил на дачу своего знаменитого папы дочку министра и посягнул на святое. Девушка отдавать святое не захотела, и он с приятелем с ней разобрался... «Вот вам и золотая молодежь!» — воскликнула в ажитации «вхожая» дама, рас-

сказавшая мне эту историю. Она именно так и говорила: «Я знаю точно, поскольку вхожая».

Прошло несколько лет, и другая «вхожая» дама поправила: преступление совершил вовсе не Максим, а его сводный брат Женя. Папа спас сына от тюрьмы, а потом с горя, что отпрыск такой неудачный, застрелился. В медицинском заключении, конечно, иное написали — про болезнь сердца. Не хотели, чтобы полоскали имя композитора, который столько прекрасных песен написал и даже гимн Москвы. Стоит ли говорить, что и эта версия не соответствовала действительности?

Лишь теперь из воспоминаний нежно любимой мною актрисы Татьяны Конюховой я наконец узнала правду. Да, были и девушка, хоть и не дочь министра, и дача Дунаевского, и сын Женя, и смерть, изменившая судьбы многих, в том числе и Тани Конюховой, и следствие, и допросы... Было, но только совсем не так, как расписывали сплетницы.

Все-таки хорошо, что есть «Коллекция», где все можно узнать из первых рук, точнее уст!

Главный редактор
Нина Нечаева

ЕКАТЕРИНА ГУСЕВА

СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ

В детстве я часто летала во сне. Разбегалась, раскидывала руки, отталкивалась ногами от земли и парила в воздухе как птица. Внизу проплывали макушки деревьев и крыши домов, но хотелось подняться еще выше — к белым облакам и манящему меня голубому небу...

Фото: Павел Щелканцев
Стиль: Светлана Румянцева
Визаж: Оксана Тасуева
Продюсер: Екатерина Шутылева

Я тогда жила в Тушино. Отдельная квартира у нашей семьи появилась не сразу, несколько лет мы скитались по родителям мамы и папы, стараясь не особенно им надоедать. Проводили неделю у бабушки Лиды, маминой мамы, и перебирались с вещами к бабушке Зине, маме отца. Благо идти было недалеко — на соседнюю улицу.

Рядом с домом бабы Зины был огромный овраг — главная достопримечательность района. Мы часто ходили туда гулять. Внизу стояли старые покосившиеся деревянные домики, зеленели заброшенные сады и огороды. Видимо, раньше там располагалась одна из подмосковных деревень. Когда неподалеку построили огромные многоэтажные дома, это место еще долго оставалось островком тишины и покоя, где проводили досуг окрестные жители. Дети летом ездили на велосипедах, а зимой катались с горок. Взрослые устраивали пикники. Там же тренировались дельтапланеристы. Разноцветные крылья дельтапланов меня просто завораживали, могла смотреть часами, как они парят в воздухе, и представляла, что тоже летаю, даже видела это во сне.

В четыре года у меня появилась младшая сестра, Настя. Родители готовили к ее рождению, объясняли, что с грудным ребенком надо проявлять особую осторожность и соблюдать правила гигиены. Я это

усвоила, и когда потом кто-нибудь из взрослых приближался к малышке, очень строго спрашивала: «А руки вы мыли?» На слово не верила, проверяла — пахнут руки мылом или нет.

В то лето, когда родилась Настенька, в Москве проходила Олимпиада-80. По этому случаю в столичных магазинах стали продавать невиданные продукты — финский

Нас с Настей родители одевали как кукол. Покупали только обувь. Но какую! Туфли и сапоги у нас были необыкновенные — немецкие, чешские, румынские. Только потом, став старше, я поняла, сколько времени и сил мама тратила на эту красоту, какие выстаивала очереди. Обувью занималась она. Папа нас обшивал, а бабушка Лида — вязала.

не чувствовала. Только удивление. Оказывается, я могла гнуться во все стороны, как резиновая кукла! И тетенька поразилась. Сказала: «Надо же, какая гуттаперчевая девочка!»

Во Дворец спорта «Крылья Советов» мы ездили с бабушкой Лидой. Не знаю, как она ухитрилась меня возить. Бабуля еще работала. Помню, вставала рано-рано, в шесть часов,

Бабушка, посмотрев упражнения на брусках и бревне, сказала как отрезала: «Надо забирать тебя отсюда! Не дай бог, переломаешься!»

сервелат, соки в маленьких коробочках с трубочками и экзотические фрукты. Именно тогда я впервые увидела ананас — свежий, не консервированный. Так хотелось рассмотреть удивительную огромную шишку с зелеными листочками, но бабушка Лида предусмотрительно убрала чудо-фрукт на холодильник: до него было не допрыгнуть. Зато какое же это было счастье — попробовать ананас! Нынешним детям, избалованным всеми мыслимыми деликатесами, меня не понять.

Мы жили небогато, как тысячи советских семей. Папа был портным. Мама тоже начинала в ателье — родители в нем в свое время и познакомились, — но вынужденно перешла на другую работу, за которую обещали дать квартиру. Мы так устали странствовать по бабушкам и дедушкам, так хотелось иметь свой уголок, свое гнездышко!

Обделенной я себя никогда не чувствовала и не канючила: купите то, подарите это. Мама утверждает, что я вообще ничего не просила, странная была девочка. Потом, в свою очередь став мамой и глядя на своего сына Лешу, я в этом смысле узнавала себя. Он никогда не просил у нас с мужем что-то купить. В дни рождения и Новый год приходилось угадывать, что ему может понравиться, или просить написать письмо Деду Морозу.

И я мечтала не о каких-то вещах или сладостях, а о возможности заниматься интересным делом. В моей жизни очень рано появился спорт. Сначала — гимнастика, в четыре года. Однажды к нам в садик пришли тренеры отбирать детей. Проверяли гибкость. Помню, как незнакомая тетенька очень мягко и осторожно тянула и заворачивала мне руки и ноги. Ни боли, ни дискомфорта я при этом

не по будильнику, а под звуки гимна по радио. Когда она ухаживала, мы с дедом начинали собираться в сад. Я почему-то упрямылась, не хотела туда идти и долго бегала вокруг обеденного стола. А вечером не хотела уходить от ребят и бегала от дедушки вокруг веранды! Вот такая у нас была игра — «поймай меня, если сможешь».

Зато на гимнастику собиралась в два счета. Мне нравилось заниматься, и родители этого хотели. Они гордились тем, что я такая способная, что меня выбрали из множества детей. Вот баба Лида и моталась с внучкой. Она не видела наших тренировок, взрослых на них не пускали. А потом как-то устроили открытый урок — и на этом мои занятия закончились. Бабушка, посмотрев упражнения на брусках и бревне, сказала как отрезала:

— Надо срочно забирать тебя отсюда!

— Почему? — не поняла я.

— Не дай бог, переломаешься!

Не знаю, что ее так потрясло. Сложных элементов мы не делали и выступали не на «взрослом» бревне, а на «детском», которое на несколько сантиметров выше пола. Видимо, бабушка обладала очень развитым воображением и просто представила, что нас ждет в будущем.

зарывались в поролон и шептались о своем, пока кто-нибудь не сваливался сверху и не нарушал наше уединение. А еще я любила прыгать на батуте. Над ним на потолке было закреплено красное яблочко. Так хотелось его достать!

Жалко было уходить, что и говорить. А примерно через год мои гимнастические навыки неожиданно пригоди-

ствовала такой восторг! Это был мой звездный час! Работники цирка тем временем остановили конструкцию и принесли алюминиевый стул на длинных-длинных ножках, чтобы я могла слезть. Когда спустилась «с небес на землю», заплаканная мама схватила меня и стала ощупывать, проверять, целы ли руки и ноги, а я не понимала, почему она так

Трос подхватил меня под коленку и потащил наверх. Люди вокруг ахнули. Мама обернулась и закричала страшным голосом: «Стойте!»

Кроме нее сопровождать меня на тренировки было некому, и с ними пришлось «завязать».

Я расстроилась. Гимнастика была для меня развлечением, интересной забавой. Я не успела узнать, какой это тяжелый и действительно травмоопасный вид спорта. Нас, малышей, особенно не нагружали, давали самые азы, и мы с удовольствием делали «мостик», «колючку», вставляли в «березку». Еще папа нашил мне на спортивный костюм синего цвета надпись «СССР» из белой тесьмы. В этой экипировке я чувствовала себя олимпийской чемпионкой.

Мы не столько тренировались, сколько играли. Помню, под бревном в полу была яма, довольно глубокая, метра три, наверное. Там лежали куски поролона, чтобы не так больно и опасно было падать, когда делаешь соскок или крутишь сальто. На занятиях мы с девочками забирались туда,

причем в довольно опасной ситуации. В тот день мы ходили в цирк: мама, папа, Настя и я. В антракте остались в зале. На арене в этот момент меняли оборудование. Когда стали натягивать трос для воздушных гимнастов, я поднялась со своего места и подошла к барьеру — посмотреть. Родители были заняты моей маленькой сестрой и не обратили внимания. И в этот момент трос подхватил меня под коленку и потащил наверх. Люди вокруг ахнули. Мама обернулась и закричала страшным голосом: «Стойте!»

Но затормозить движение машины смогли далеко не сразу. Пока она ползла вверх, я времени даром не теряла. Перекинула через трос вторую ногу, зацепилась за него коленками, выгнула спинку, раскрыла ручки и сделала «колючку». То есть повела себя как настоящая гимнастка. Внизу что-то кричали, мама рыдала, а я чув-

переживает. Это же цирк! Здесь все кувыркаются, ходят по канату и летают под куполом. Вот и я показала, что умею.

В дальнейшем акробатика или гимнастика все равно присутствовали в моей жизни. Каждое лето я ездила в подмосковный лагерь с трогательным названием «Бугорок» и там с увлечением занималась в кружке уже художественной гимнастики. Перед соревнованиями по футболу, баскетболу или волейболу мы с девочками выступали «на разогреве» с мячом, лентой, скакалкой. В школе у меня был факультатив по спортивной гимнастике, который вел наш учитель физкультуры. Мы выполняли упражнения на снарядах и вольные, на ковре. Классе в восьмом, по-моему, я на школьных соревнованиях даже сдала на третий разряд. Но это было не то! Я смотрела по телевизору выступления девочек из сборной СССР

и думала, что могла быть вместе с ними! Расстраивалась до слез.

Следующим после гимнастики спортивным увлечением стало фигурное катание. В то лето, когда мне исполнилось шесть, к бабушке в гости из Ленинграда приехал ее младший брат — дядя Саша. Он подарил мне коньки. На них раньше катались его дочки, к тому времени уже успевшие вырасти. Коньки были старенькие, замшевые ботинки уже не белые, а серые, «бывалые», а я все равно так обрадовалась! Фигурное катание в то время было очень популярно, и я его обожала. Особенно нравилась мне немецкая фигуристка Катарина Витт.

Пока не наступила зима, я каталась... у бабушки Лиды в

комнате, на паркете. Взрослые занимались маленькой Настей, а я надевала коньки, отворачивала ковер, лежавший перед платяным шкафом с зеркалом, и изображала фигуристку. Царапины, оставшиеся на полу после моих «занятий», какое-то время удавалось скрывать. Но когда в квартире затеяли генеральную уборку, взрослые узнали о моих художествах. Удивительно, что наказывать не стали, а отдали в секцию фигурного катания районного Дворца пионеров. Бабушка не возражала. В отличие от спортивной гимнастики этот вид спорта ей нравился и казался менее опасным. И занятия секции проходили неподалеку на улице, в одном из соседних дворов, где зимой заливали хоккейную коробку.

Что называется, под присмотром родителей.

«Тренировки» на паркете не прошли даром. Впервые выйдя во двор на коньках, я сумела самостоятельно доехать до катка. Никогда не забуду, с каким грохотом спускалась по лестнице со второго этажа «хрущевки». Чехлов не было, и то, что Катя отправилась на фигурное катание, слышал весь подъезд.

Пару месяцев я была абсолютно счастлива. Быстро научилась основным элементам и на льду чувствовала себя довольно уверенно. Особенно нравилось вращаться. Я кружилась, кружилась... Как сейчас вижу себя в центре яркого красного круга, в который в тот момент превращалась юбочка моего вязаного пла-

Пока не наступила зима, я каталась... в комнате у бабушки, на паркете. Надевала коньки, отворачивала ковер и изображала фигуристку

тья! Его связала бабушка Лидя. Я в нем не мерзла. Наоборот — была вся мокрая. Даже грызла покрытые льдом варежки, чтобы немного остыть. Может, поэтому и заболела?

Странно. Потом часто ела снег зимой — и ничего. Никогда не была болезненным ребенком, но тогда почему-то подхватила воспаление легких и попала в больницу. Ле-

В шоу «Звезды на льду» с олимпийским чемпионом Романом Костомаровым

жала в инфекционном отделении. Родителей не пускали. Они стояли внизу и пытались разглядеть меня в окне, но я находилась слишком высоко, этаже на шестом. Стоял мороз, и окно покрывал иней. Я отгаивала «глазок» пальчиком и молча смотрела на папу и маму. Так и запомнила их — в лохматых меховых шапках. Докричаться, достучаться бы-

лась. Здание огромное. В раздевалке сотни шкафов, куча детей. Родителей внутрь не пускали — только до гардероба. Из моего класса никого больше не было, а я не запомнила тренера, который записал меня в секцию. Стала думать: куда же идти? Огляделась по сторонам, увидела ребят примерно моего возраста и пристроилась за ними.

снаряжения в продаже не было. Родители покупали для нас в аптеке надувные круги из оранжевой клеенки, которые предназначались для лежачих больных. Мы надевали по кругу на каждое предплечье, скрепляли их за спиной резинкой и плыли. Я научилась раньше всех благодаря одному хулиганистому мальчику. Он несколько раз прока-

Девочки-синхронистки занимались рядом, в соседнем бассейне. Красота их движений меня завораживала, как когда-то полет дельтаплана

ло невозможно. Когда вышла из больницы, ни о каком катании на льду, разумеется, не было и речи.

Потом все школьные годы зимой я почти каждый день обязательно ходила на каток и занималась самостоятельно. Вспоминала, чему когда-то учили...

Незадолго до того как пошла в школу, мы с родителями наконец-то переехали в отдельную квартиру недалеко от метро «Бабушкинская». Однажды у нас в классе появились тренеры из бассейна «Олимпийский». Стали спрашивать, кто хочет заниматься плаванием. Я чуть ли не первая подняла руку: «Запишите меня! Я хочу!» До бассейна было сравнительно недалеко — несколько остановок на метро. Сначала меня проводил кто-то из взрослых, потом стала ездить сама.

Помню, впервые приехала в «Олимпийский» и растеря-

Они прошли в бассейн и встали в шеренгу, чтобы по очереди с тумбы входить в воду. Мой черед подошел довольно быстро. Я поступила как мальчик, стоявший передо мной. Залезла на тумбу с цифрой два и прыгнула вниз головой. И только в воде вспомнила, что не умею плавать. Забила руками и ногами, судорожно озираясь по сторонам. Кто-то крикнул: «Хватайся!» — и протянул длинную деревянную палку.

С помощью тренера вылезла из воды. Он выяснил, кто я, из какой школы, и отвел в группу новичков. Оказалось, что я пристроилась за опытными ребятами. Для начала надо было научиться дышать, что мы и делали первое время. Опускались с головой под воду и пускали пузыри, держась за бортик. И только потом начали плавать с резиновыми надувными кругами. Тогда никакого специального

львал мне круги. Воздуха в них хватало только до середины бассейна, дальше приходилось выплывать самой.

С плаванием тоже как-то не сложилось. Пришлось выбирать: волосы или бассейн. У меня была шикарная длинная коса. Во время тренировки волосы намокали, но в «Олимпийском» не было ручных фенов, только огромные допотопные колпаки, под которыми сушились, сидя на стуле. Они были рассчитаны на взрослого человека, и мне приходилось вставать коленками на стул, чтобы дотянуться до потока теплого воздуха. Волосы при этом затягивало в вентилятор. Они горели, я вырывала целые пряди и все равно каждый раз приходила в школу с мокрой головой. Когда встал вопрос: плавание или коса — на семейном совете решено было выбрать косу. Мама и слышать не хотела о том, чтобы ее отстричь.

Плавание мне нравилось, но синхронное гораздо больше, чем просто спортивное. Девочки-синхронистки занимались рядом, в соседнем бассейне. Я смотрела на них через прозрачную перегородку, прижавшись носом к стеклу. Они так красиво все делали: не просто плавали от стенки до стенки, а танцевали! Это был уже не спорт, а искусство.

в неделю он обязательно устраивал сдвоенный урок по лыжам, и не в школьном дворе, а на Яузе. Ну и я, конечно, тоже постаралась.

Если честно, не ожидала, что буду лидировать. Но просто скользить по лыжне, созерцая заснеженные ели, было скучно, и я поставила себе минимальную задачу: догнать впереди идущего, а там

какими-то играми, а в плане преодоления препятствий и самой себя. Спорт очень много дал мне в этом смысле. Все, чем я занималась в детстве, так или иначе пригодилось и в жизни, и в профессии. Вот уж воистину «ничто на земле не проходит бесследно». Гимнастика, фигурное катание, плавание развивали не только физически, они определен-

Передо мной маячили спины в лыжных куртках. Я ничего не видела вокруг, только эти цветные пятна, догоняла их и кричала: «Лыжню! Лыжню!»

Красота их движений меня завораживала, как когда-то полет дельтаплана. Хотя плавать на скорость тоже было здорово. Особенно когда удавалось приходиться первой. Меня переполнял восторг: «Я это сделала! Я смогла!» Победа поднимала самооценку, вызывала ни с чем не сравнимое чувство уважения к себе.

Помню, в школе сдавали зачет по бегу. На улице в тот день шел дождь, а короткая дистанция как раз укладывалась в длину зала. Я с разбега влетела руками и щекой в стену. Боль была адская. Искры из глаз! Больше всего досталось правой скуле и ладоням. Они еще долго потом побаливали, а на лице красовался синяк. Но я победила, и это все искупало.

В седьмом классе выиграла городские соревнования по лыжам среди школьников Москвы. Конечно, во многом благодаря нашему замечательному физруку. Зимой раз

как пойдет. Чем дольше бежала, тем больше охватывал азарт. Передо мной маячили спины в лыжных куртках — красные, синие. Я ничего не видела вокруг, только эти цветные пятна, догоняла их и кричала как сумасшедшая: «Лыжню! Лыжню!» Кто-то пропускать вперед, а кто-то — ни в какую! Одна девушка, помню, никак не уступала. Я уж и так и эдак, и на пятки наезжала, и тихонько тыкала ее лыжной палкой — ничего не помогало. Тогда сама сошла с лыжни и стала левее прокладывать свою колею. Так и шли мы с ней плечом к плечу практически до самого финиша, где я все-таки вырвалась вперед. А потом упала без сил и долго не могла успокоиться, отдышаться. В груди пылал огненный шар. Я глотала снег, но шар не хотел гаснуть и разрывал меня изнутри...

Человек я довольно азартный. Не в плане увлечения

ным образом формировали мой характер.

Но вернемся назад. После того как я была вынуждена прекратить занятия плаванием, судьба сделала мне подарок — привела в ансамбль грузинского танца «Колхида». О нем рассказала маме одна из знакомых. Я протанцевала в «Колхиде» семь лет — до самого окончания школы. В ансамбле получила то, о чем мечтала, — и основательную физическую нагрузку, без которой уже не могла обходиться, и возможность почувствовать себя артисткой. Мы исполняли необыкновенно красивые номера. Например «Танец оживших фресок». На сцене нас было три девушки. На каждой национальный костюм: длинное платье из парчи и головной убор с фатой. На голове парик с четкими косами — две на груди, две на спине. В руках — горящие свечи в хрустальных

вазочках. Сначала было темно. Потом постепенно зажегся свет, вступала музыка, и мы оживали, переплетали руки, делали вращения и в конце опять замирали в той позе, с которой начинали танец. Однажды нейлоновая коса одной из моих партнерш попала в огонь и загорелась. Тушили мы ее прямо в танце.

Всякое бывало. Как-то ансамбль проводил так называемый открытый урок, а по сути концерт, в Концертном зале имени Чайковского. Я была еще в младшей группе, и меня поставили «выводить линию» в одном из номеров, то есть вести за собой двадцать с лишним девочек. Орган на сцене был закрыт многотонным парчовым занавесом — двумя ог-

ромными портьерами. Они заходили друг на друга и заворачивались внутрь так, что в центре получались глубокие складки. Из них мы и должны были выйти на авансцену — одной линией, потом разойтись и опять соединиться, образуя круг. Но вместо того чтобы сделать все эти красивые перемещения, полномер блуждали в темноте между шторами. Я все время заходила куда-то не туда, а девочки следовали за мной, как нитка за иголкой. Зрители смеялись, наблюдая колыхание занавеса. Мне же было не до смеха.

В старшей группе тоже как-то произошел конфуз. Мы исполняли танец «Парца». Вначале вели мальчики. Они танцевали в центре сцены, а

девочки стояли по краям и хлопали так называемые «таши». Потом мы выстраивались в клин и делали много-много быстрых вращений. В одном из них с меня упала нижняя юбка. Мальчики горланно выкрикнули «Хэ!», я аккуратно перешагнула через беленькую тряпочку, и мы все красиво ушли со сцены. Тут с криком «Асса!» выскочил джигит, подхватил мою юбку и убежал за кулисы. Я чуть со стыда не умерла, а зрители были в восторге.

Сцены я не боялась, наоборот, она меня все больше увлекала. В старших классах я не только танцевала, но и играла в школьном театре. Поступать, правда, собиралась в биотехнологический институт — на

В Москве началось увлечение фитнесом, и я тоже отдала ему дань. Перепробовала все модные новинки. Особенно понравился тайский бокс

этом настаивали родители. Судьба решила иначе. На одном из наших школьных «капустников» оказалась ассистентка Евгения Рубеновича Симонова. Ей понравилось мое выступление, и она посоветовала поступать в Театральное училище имени Щукина. Я прислушалась к совету. Поступила с первого раза.

В «Щуке» пригодились и танцевальные, и гимнастические навыки. Помимо актерского мастерства и общеобразовательных дисциплин мы занимались сценическим движением и ритмикой. Показы-

вали пантомимы, исполняли классические танцы, осваивали степ и работали с предметами. И не только...

В юбилейном концерте, посвященном восьмидесятилетию училища, я выступала в паре с однокурсником Дмитрием Ворошилиным. Мы демонстрировали эффектные акробатические трюки, в которых я «носила» мужчину на ру-

Маши Леоновой, ни у одной из однокурсниц не было коньков! С ней мы и ездили в Парк Горького. Там зимой всегда заливали дорожки.

После окончания «Шуки» пришла в театр «У Никитских ворот» Марка Розовского. В Москве как раз началось увлечение фитнесом, и я тоже отдала ему дань. Перепробовала все модные новинки. По-

самых экстремальных и затратных видов фитнеса.

Внешне похоже на езду на велосипеде по пересеченной местности, только все происходит в зале на специальных велотренажерах. Во время занятий приходится преодолевать виртуальные подъемы, тормозить на спусках, мчаться на высокой скорости по прямой трассе. Инструктор за-

С меня упала нижняя юбка. Мальчики гортанно выкрикнули «Хэ!», я перешагнула через тряпочку, и мы все красиво ушли со сцены

ках. Сначала Дима упирался руками в мои плечи и подпрыгивал, а я хватала его чуть выше колен и на вытянутых руках поднимала над головой. Зрители ахали. Это казалось невероятным. Второй трюк мы выполняли во вращении. Я кружилась, а Дима висел на мне, как бревно, — держась за мою талию и вытянувшись в струну. Тут уже публика падала от смеха. Особой силы от меня не требовалось. Все делалось как бы на «выключенных» суставах, без напряжения мышц.

Нагрузка в «Шуке» была высокой, но я по-прежнему тосковала по фигурному катанию и зимой ходила на каток. На меня смотрели как на сумасшедшую, тогда никто не катался. Это сейчас, после нескольких телевизионных «ледовых» проектов, фигурное катание опять вошло в моду. А тогда оно не пользовалось популярностью, и я с трудом находила компанию. Кроме

чему-то особенно понравился тайский бокс.

Через несколько лет я попала в проект «Норд-Ост», и посещение фитнес-клуба для меня стало обязательным, как и для других артистов. Оно даже оговаривалось в контракте. Нас разделили на две группы. Первую, «ударную», составили те, у кого в спектакле была самая большая нагрузка. Вторую — те, кто не особенно напрягался. Мы называли ее «группой здоровья». Я играла главную роль — Катю Татаринovu и угодила к «ударникам».

Мы тогда не знали, что такое играть каждый день одно и то же на протяжении многих месяцев. Как это трудно, морально и физически. А продюсеры понимали, что нас ждет, и готовили как космонавтов. Чего только не вытворяли с нашей группой! Мы, например, занимались сайклом — по сорок пять минут каждый день. А это один из

дает максимальный темп, ставит жесткую, ритмичную музыку, и нагрузка получается просто адской! За сорок пять минут мы теряли по полтора килограмма. Зато в результате многомесячных тренировок набрали прекрасную форму, с легкостью выполняли задумки постановщиков и ощущали, что нам подвластно все. Ради этого чувства можно пойти на любые муки.

Мой партнер Андрей Богданов, игравший Саню Григорьева, в сцене прощания с Катей на вокзале, как профессиональный гимнаст, делал «выход силой», и не поочередно, а сразу на две руки, на уходящем вверх мосту. И при этом пел! Нас ведь еще научили дышать особым образом. Когда мы пели в движении, голос не дрожал. Некоторые зрители, привыкшие к «фанере» на концертах российской попсы, не верили, что работаем вживую:

— Как это можно — бегать, прыгать, петь и не задыхаться?

— Можно, — объясняли мы. — Все дело в тренировке и специальной технике дыхания.

— Да ладно! А куда вы поете? Микрофонов-то нет!

— Они есть, просто очень маленькие, размером со спичечную головку. Микрофоны

совета. Меня пригласили на роль ученицы Флореллы в новую постановку «Учителя танцев». Учителем и моим партнером стал знаменитый танцовщик, хореограф и руководитель «Имперского русского балета» Гедиминас Таранда. Он играл Альдемаро. С Гёной мы танцевали «повзрослому» — и фламенко, и павану, и вальс. Хореографи-

стижный театральный фестиваль праздновал свое десятилетие. Юбилей решили провести в необычной обстановке — в Московском цирке на Цветном бульваре. Исполнителей «Норд-Оста», как и других артистов, участвовавших в проектах-номинантах, попросили показать какой-нибудь номер. Мы с Андреем Богдановым исполнили дуэт

Раньше бы не поверила, что буду такой матерью-«декабристкой». Но родительские чувства невозможно понять, пока сама не станешь мамой

спрятаны под прической, поэтому вы их не видите.

Слава богу, со временем люди научились различать фонограмму и «живое» пение и убедились, что в мюзиклах все по-честному. Это вообще особый жанр. Никакие театральные спектакли или съемки в кино не сравниваются с ним по нагрузке.

К сожалению, у «Норд-Оста» оказалась несчастливая судьба. После трагедии, случившейся в Театральном центре на Дубровке, продюсеры так и не смогли продолжить прокат. И гастрольные выступления по разным причинам пришлось довольно быстро свернуть.

Десятого мая 2003 года состоялся последний спектакль. Одиннадцатого мая проект был закрыт. На этой дате я поставила в ежедневнике знак вопроса: мол, что же дальше? На следующий день раздался звонок из Театра имени Мос-

ческие навыки, наработанные в ансамбле «Колхида», конечно,годились, хотя многое пришлось осваивать впервые. Что такое верхние поддержки, я знала благодаря Диме Ворошилину. Но здесь мужчина меня носил на руках, поднимал к небу, как пушинку, одной левой, а мне оставалось только распахнуть крылья и парить! Я висела на Гениной руке в эффектной прогибе, в белом платье и думала: «Ну вот, кажется, все наконец встало на свои места».

Гимнастику тоже вспомнила — особенно упражнения на бревне. В одной из сцен танцевала на тоненькой изгороди и даже делала на ней арабеск. Видимо, гимнастика — это как велосипед: если научился в детстве кататься, не разучишься до конца дней!

В том году «Норд-Ост» сразу в семи номинациях выдвинули на премию «Золотая маска». В марте 2004-го пре-

«Встревоженное сердце» — в концертном варианте.

В спектакле, в масштабных декорациях, эта сцена выглядела очень романтично и красиво, но в цирке повторить театральное решение было невозможно. Стали думать, как подать дуэт. С нами работали Юрий Осипов и Оксана Дружинина, в цирковом мире люди известные. Оксана — режиссер-постановщик Цирка на Цветном бульваре. Юра — вообще легендарная личность. За более чем пятидесятилетнюю карьеру он сменил несколько цирковых профессий. В то время он отвечал в цирке за технику безопасности. Юра выступал в качестве постановщика трюка, а Оксана придумывала его художественное решение.

Сначала на арену поставили качели. Мизансцена простая: девушка качается, платье развевается, Саня смотрит на Катю влюбленными

глазами. Но выглядело это как-то по-детски. Только песочницы рядом не хватало. Юра спросил:

- Высоты боишься?
- Пока не знаю.

Меня посадили на трапецию, подняли на два метра, потом на четыре, шесть... Начали осторожненько раскачивать. Но опять получилась какая-то невыразительная ерунда, напоминавшая номер из

телевизионного шоу тридцатилетней давности.

Юра задумался, а потом очень хитро посмотрел на меня и спросил:

- Кать, а шпагатик у тебя есть?
- Есть, — не без гордости ответила я.
- Ну-ка, дайте веревочку, — сказал он ассистентам.

Покрутил ее и так и эдак и придумал трюк, в котором

роль качелей выполняли две полосы ткани.

В специальной мастерской для нас сшили два полотнища из парашютного шелка, тонкого, но очень прочного. Ширина их была полтора метра, длина — около четырех, но они легко сворачивались в жгут и проходили в маленькое колечко. На одном полотнище я сидела и качалась в начале номера, а другое свободно свисало и развевалось в руках. Шелк дышал. Он был белый, как мое платье, и похож на парус.

Покачивались минуту-другую, я поднимала коленку и, поставив стопу под попу, перехватывала руки выше, отглаткивалась ногами и поднималась в полный рост. А потом правой стопой вставала на одно полотнище, а левой — на другое и разъезжалась в шпагат. Тогда я реально ощутила, что это значит: «моя жизнь в моих руках». Она действительно держалась на волоске — на тонкой шелковой ткани, обмотанной вокруг запястий. И никакой страховки...

После шпагата опять «собиралась», присаживалась на корточках на первое полотнище, а второе заводила сзади под шею и ложилась на спину. Руки раскидывала по сторонам, как крылья, а носочки максимально вытягивала, чтобы ткань зацепилась за пятки

С мужем, Владимиром Абшкиным, и детьми, Аней и Лешей

На репетиции в Цирке на Цветном бульваре

чился очень эффектным, но показали мы его только три раза: на открытии «Золотой маски» и на двух концертах в Питере и Москве «Норд-Ост», мы с тобой!» На одном из выступлений присутствовали мой муж и папа. Не знаю, что они почувствовали, когда я взмыла в воздух и начала показывать придуманные нами элементы. Наверное, удивились. Я ведь еще (ушла в минус» в шпагате! (Так говорят гимнасты, когда угол больше ста восьмидесяти градусов.) По залу пронесся гул: «У-у-у! О-о-о!» Зрители от меня этого не ожидали. А я испытала та-

Тогда я ощутила, что это значит: «МОЯ ЖИЗНЬ в моих руках». Она действительно держалась на волоске — на тонкой шелковой ткани...

как за крючки. Андрей все это время стоял на арене и смотрел на меня снизу. Спускалась к нему очень красиво и медленно. Ткань проходила под мышками, и я висела в воздухе раскрыв руки, в позе «креста».

Страшно не было. Мы начинали репетировать на небольшой высоте и увеличивали ее понемногу, постепенно. Месяца три репетировали в цирке на малом манеже, после обезьян. Они занимались с семи до восьми утра, а я — с восьми до девяти. Перед этим служители на всякий случай проходили по арене с совоч-

ками. Хотя убирать было нечего, на обезьян надевали памперсы. Мне их было почему-то жалко. Они походили на грудных детишек — маленькие, в штанишках. Трогательные и милые.

Растяжка у меня была неплохая, но, конечно, пришлось позаниматься дополнительно, чтобы не ударить в грязь лицом. Я разогревалась в сауне и тянулась прямо на полке, миллиметр за миллиметром. И в цирке разминалась перед репетицией.

На подготовку номера ушло около трех месяцев. Он полу-

кой кайф! Хотелось кричать от восторга: «Люди, я лечу!» Конечно, это было не совсем то, о чем когда-то мечтала и видела во сне. Но я успела поймать ощущение свободного полета.

В жизни нет ничего невозможного, мечты сбываются. Самым неожиданным образом, когда этого совсем не ждешь. Когда-то я смотрела по телевизору Олимпиады и завидовала девочкам из сборной СССР. И спустя много лет неожиданно получила возможность почувствовать себя причастной к Олимпийскому движению.

В августе 2004 года в Афинах проходили XXVIII летние Олимпийские игры, а третьего июля в Москве стартовал один из этапов эстафеты олимпийского огня, которая обошла весь земной шар! Главный символ Олимпиады прилетел к нам на самолете из Хельсинки. Свой путь в Москве он начал на Поклонной горе, а закончил на Васильевском спуске. Его несли сто двадцать факелоносцев. Среди них была и я. Свои четыреста метров бежала по Садовому кольцу.

Я готовилась к эстафете. Тренировалась на беговой дорожке с полторалитровой бутылкой воды. Друзья разыграли! Сказали, что факел тяжелый, весит полтора килограмма. Нести его нужно бы-

ло на вытянутой руке, вот я ее и «качала». В клубе на меня смотрели как на сумасшедшую, но я старалась не обращать внимания.

Потом оказалось, что вес факела всего семьсот граммов. Он был легкий, да и я неплохо подготовилась, так что нести его не составило труда. Но я не бежала, как другие факелоносцы, мои движения скорее напоминали спортивную ходьбу. Четыреста метров — это так мало! Мне хотелось растянуть удовольствие. Я испытывала невероятную радость и гордость — за страну, за наших людей. Они стояли вдоль улиц, высывались из окон, махали, улыбались, кричали. Для всех это был праздник. Потом, ког-

да смотрела по телевизору церемонию открытия Игр в Афинах и увидела, как в огромной чаше вспыхнуло пламя, то не смогла удержаться от слез. В огне Олимпиады была и моя искорка...

Я следила за соревнованиями и жалела, что не удалось поехать в Афины. А через два года снова оказалась в «группе поддержки» олимпийцев. К зимним Играм в Турине Первый канал снял специальные ролики, в которых известные артисты и другие «медийные лица» желали победы спортсменам. Мне «достались» фигуристы — Татьяна Навка и Роман Костомаров. Я опять отнеслась к делу серьезно, прочитала все, что нашла в Интернете, и открыла для себя

Я готовилась к эстафете. Тренировалась на беговой дорожке с полторалитровой бутылкой воды. Друзья разыграли! Сказали, факел тяжелый

этих ребят. Мы не были знакомы, но Таня и Рома как будто стали мне родными, и я с особым чувством пожелала им завоевать «золото». А потом они стали олимпийскими чемпионами! Я думала — меня разочует от счастья!

Через несколько месяцев раздался звонок:

— Здравствуйте, Катя. Это Илья Авербух. На Первом канале готовится новый про-

Московский этап Всемирной эстафеты олимпийского огня, июль 2004 года